

Эльмира Шабурова

**ОНА ПРИХОДИТ
С ТУМАНОМ**

Эльмира Шабурова

Она приходит с туманом

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Она приходит с туманом / Э. Шабурова — «Автор», 2026

Что вы сделаете, если ваше самое заветное желание исполнится ценой вашей души? Таисия Лебедева — обычная женщина, врач и мать двоих детей. Её жизнь рушится в один миг: страшная авария, кома и приговор врачей. Дети умирают, муж сбегает, а сама Тася балансирует на грани небытия. Именно там, в стерильном холоде реанимации, её находит он. Странный лысый мужчина с глазами цвета виски, называющий себя ТихоМиром. Он предлагает сделку из старых сказок: исполнение любого желания в обмен на двадцать лет службы.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эльмира Шабурова

Она приходит с туманом

Пролог

Этот сон снится мне лет с десяти. Мягкая перина, белоснежная подушка, любимое ватное одеяло. Воздух пропитан одуряющим ароматом разнотравья и запахом глубокой ночи — он появляется после полуночи и исчезает к шести утра. Сверчки поют хвалебную арию лету, сова у кромки поляны отсчитывает время глухим уханьем. Я плотнее кутаюсь в одеяло: вокруг поляны клубится туман, но мне тепло.

Я смотрю на мириады звезд, хитро подмигивающих из бархатной бездны. Жду, когда одна сорвется вниз, чтобы наконец загадать желание. Но они крепко держатся за небо. И так каждый раз. Я просыпаюсь разочарованной, понимая, что это всего лишь сон.

В этот раз всё шло как обычно, пока справа не вспыхнула яркая полоса. Тонкий росчерк серебра... радужная искорка падающей звезды. Она летела прямо в мои руки, стремительно увеличиваясь, превращаясь в огромный огненный шар. Я почувствовала исходящий от него жар...

— Папа, машина! — закричал Мишка, и я открыла глаза.

Машину резко занесло. На заднем сиденье кричали дети. Прямо на нас неся свет фар встречной «Газели». Перекошенное страхом лицо мужа мелькнуло перед глазами. Он снова думает только о себе. Кирилл подставил под удар бок машины. Мое тело пронзила жгучая боль. Даша на заднем сиденье вскрикнула и затихла. А следом пришел второй удар — сзади в нас врезался грузовой УАЗ. Темнота.

Писк мониторов раздражает. Какое-то шуршание тормозит сознание, выдергивая из блаженного забытья.

— Сарим Мухамедович, она очнется? — молодой приглушенный голос.

— Это было бы чудом. Ей лучше не приходить в себя, — отвечает грустный старческий бас. — С такими травмами в двадцать пять лет... Чуда нам не надо. Пусть обретет покой. Ее дети до утра не доживут...

Я пытаюсь открыть глаза, сесть, но тело свинцовое, веки склеены, голоса удаляются.

— Муж ее нашелся? — спрашивает старик.

— Охранник сказал, пошел покурить, просил сигарету.

— Понятно, — со вздохом произносит старик. Тишина.

Мой муж не курит. Хочу сказать об этом, но не могу — губы не слушаются. Я снова абсолютно одна. Мир кружится, тело становится невесомым. Кажется, еще мгновение — и душа выскользнет, улетит в неизвестном направлении.

Неожиданно чья-то прохладная ладонь ложится на лоб. Невыносимая боль отступает, сменяясь ровным теплом. Я чувствую свое тело — оно тяжелое, но целое. Приоткрываю один глаз. Размытый силуэт мужчины в черной одежде склонился надо мной.

— Таисия, — строгий шепот. Он хочет, чтобы я посмотрела на него.

Закрываю глаз. Мужчина гладит меня по лбу:

— Ничего, сейчас мы тебе сил придадим. Мне нужно, чтобы ты была в адеквате и понимала, что происходит.

Становится легче. Кровь струится по венам, наполняя их живительной энергией исцеления. Первый глубокий вдох обжигает легкие. Открываю глаза.

Он лыс, высоколоб, чем-то напоминает голливудского актера. Глаза слегка прищурены, будто плохо видят, но в них странная нежность соседствует со стальной решимостью. Он улыбается и присаживается на край кровати.

— Как самочувствие? — интересуется тоном старого доктора, снова поглаживая меня по голове.

— Спасибо, значительно лучше, — шепчу я и морщусь. Горло пересохло, язык распух.

У него в руке оказывается стакан воды. Помогает сделать три глотка.

— Хватит. Дай организму восстановиться. Потом поешь.

— Вы мой врач? Что с детьми? Где Кирилл?

— Твои дети в реанимации. Очень тяжелые. В вас врезался грузовой УАЗ, в бок — «Газель». Ты была вся изломана и вряд ли пережила бы эту ночь. Дети тоже на грани, часам к десяти умрут. А твой муж сбежал. Ему сказали, что даже если ты выживешь, тебя парализует от шеи и ниже. Он заявил, что пойдет покурить, и исчез. Он прекрасно знает, что виноват в аварии, выпил перед этим. Такая жена ему не нужна. Сейчас он уже в аэропорту. Билеты куплены, виза открыта. К утру он будет за границей, и никто его не посадит.

Я понимающе киваю. Нужно идти к детям, но попытка поднять голову заканчивается провалом.

— Я хочу видеть своих детей, — слезы сами катятся по щекам.

— Увидишь. Если успокоишься, возьмешь себя в руки и выслушаешь меня! — жестко отрезает собеседник. Его тон заставляет истерику замереть. Моим детям нужна сильная мать, способная контролировать ситуацию, а не рыдающая женщина.

— Я вас слушаю...

— Меня зовут Тихомир. Я та самая звезда, которую ты ждала с десяти лет. Я помогу тебе. Исполню все желания до истечения этой ночи. Естественно, не просто так.

— Подождите! Такие шутки сейчас неуместны! Там мои дети умирают!

— Ты кому-нибудь рассказывала о своем сне? — тихо спрашивает он. — Думаю, даже лучшая подруга и сестра не знают о твоей мечте.

— Кто вы? Докажите!

— В вашем мире таких, как я, называют джиннами. Но это неверно. Мы не живем в лампах и не выполняем три желания за красивые глаза. И я точно не синий, — он улыбается, и от него исходит успокаивающая энергия. Верить ему хочется вопреки здравому смыслу.

— Докажите!

— Хорошо. Загадай одно желание. Пробник к нашей сделке.

Боль возвращается, пульсируя в висках. Сознание плывет. Времени нет.

— Желаю здоровья мне и моим детям!

— Исполнено, — торжественно произносит Тихомир.

Тело выгибает дугой. Щелчки суставов, судороги восстановления. Через минуту я без сил падаю обратно на кровать, потная, дрожащая, но абсолютно здоровая. Мокрые волосы липнут к лицу. С трудом сажусь, убираю пряди за уши.

— Ты здорова. Физически, генетически, психически и энергетически. Твои дети тоже. Теперь давай обсудим сделку.

Я молча прикладываю палец к его губам, встаю и подхожу к раковине. Большое зеркало отражает бледное лицо, серые глаза с синяками усталости. Ни капли боли. Оборачиваюсь к ТихоМиру. Он указывает на темноту за окном и настенные часы над дверью. Реанимационная аппаратура пищит ровно, датчики нависают над пустой койкой — техника не замечает моего отсутствия.

— Время истекает. У тебя осталось несколько часов, чтобы обдумать условия.

— Полпервого ночи, — бормочу я. Летние ночи скоротечны. — Что вы хотите взамен? И зачем вам именно я? Только честно.

— Я исполню любые твои желания, касающиеся тебя и кровных родственников. Дам немного времени пожить в абсолютном счастье. Взамен — двадцать лет службы.

— Кому?

— Серой хламиде и этому миру. Ты наденешь серое платье и плащ. Отправишься в путь по своему миру. Будешь вмешиваться в людские дела. Иногда нести добро, иногда — зло. Главное — спасти реальность от разлома.

— Что за разлом? — почему-то прошептала я, чувствуя ледяной ужас.

— Ваш мир оказался на пути энергетического разрыва. Он возник из-за событий на далекой планете, и теперь я вынужден скитаться по мирам Земли, пытаюсь сохранить здесь жизнь. Такие, как ты — редкость. Я нашел пятнадцать подходящих духо-энергетических структур. Ты шестнадцатая. Последняя. Твоя задача — влиять на судьбы людей своим присутствием, направлять их так, чтобы однажды они спасли свой мир. И закрывать пробои реальности. Из них лезут монстры и сочится чужая энергия, искажающая вашу природу.

— И ты думаешь, я справлюсь? — растерянно спрашиваю я.

— Загадывай правильные желания — тогда справишься. — Он снова смотрит на часы.

Я встаю и начинаю ходить по палате. Пятнадцать минут сомнений. Поворот к исполнителю желаний:

— Я желаю!..

Глава 1

К вечеру следующего дня по городу поползли слухи. Из больницы исчезли женщина и двое ее детей-близнецов. Пустые кровати, отключенные мониторы реанимации — система тревоги даже не пискнула. Самое странное было в другом: из медицинских карт пропали имена, а персонал на допросах у полиции лишь растерянно разводил руками. Никто не мог вспомнить, как звали этих пациентов.

Слухи стихли так же быстро, как начались. А мы с Дашей и Мишей принялись жить-поживать да добра наживать. Точнее — тратить его без оглядки. Я воспользовалась правом загадывать всё что угодно и обеспечила нам роскошную жизнь на ближайшие двадцать лет. Вместо тесной двушки на окраине столицы мы поселились в самом центре. Пятилетние близнецы, почти не знавшие отца при жизни, даже не спросили, куда он делся. Для них мир всегда был безопасным, пока мама рядом.

Наш новый график был расписан по минутам. В шесть тридцать подъем, сборы, дорогой частный садик. Сдав детей улыбчивой воспитательнице, я прыгала в машину. Единоборства до обеда, фехтование и плавание после. Тихомир дал мне полную свободу выбора: захочу — будет предметная магия со стразами и волшебными палочками. Захочу — руническая вязь или заклинания стихий.

Я пожелала многого. Физическую готовность к любым испытаниям, контролируемую регенерацию, запредельную выносливость и набор навыков для выживания в дикой природе.

В моем воображении контракт рисовал образ грязной оборванки, гниющей под мостами. Бомжующей, нигде не задерживающейся дольше десяти дней, лишенной права на личную жизнь. Старуха в серой рванине! Я была уверена: такую женщину захотят обидеть слишком многие. Поэтому я готовилась всерьез, превращая свое тело в идеальное оружие.

А мир вокруг нас медленно сходил с ума. Сначала это были едва заметные аномалии в новостях, затем — сдвиги климата. Появились закрытые территории, куда пускали только военных. Сначала о разломах твердили городские сумасшедшие и блогеры, потом тему подхватили телеканалы, где с одинаковым серьезным лицом обсуждали то египетские пирамиды, то создание мира великим инженером. Люди посмеивались, люди шептались, но тревога росла вместе с количеством видео со странными существами в лесах. Мир менялся, и чем больше проходило времени, тем страшнее мне становилось.

К исходу первого года я расслабилась. Раз беды обходят нас стороной — значит, цена уплачена сполна. Я просто купила детям нормальное детство и образование. Правда, им, как и мне, приходилось готовиться к дню, когда мама уйдет навсегда.

— Мам, посмотрим старый фильм? Пока электричество есть, — Мишка помахал стопкой дисков.

Я отвлеклась от турки с почти закипевшим кофе и кивнула. Близнецам через неделю восемь. Они закончили первый класс и казались непозволительно серьезными. Моя сестра Наташа, жившая теперь с нами, считала их разумнее нас самих. Мы тоже были близняшками, но взрослеть отказывались лет до пятнадцати.

— Какой выбираем? — спросил Мишка у меня и тетки, которая зашла на кухню, уткнувшись в книгу.

— «Властелина», — бросила она, перелистывая страницу.

Я молча кивнула.

У меня осталось мало времени. Я чувствовала это кожей и старалась впитать каждую секунду рядом с детьми. В любой момент ждала появления ТихоМира и смертельно устала вздрагивать от каждого звука.

Москву готовили к эвакуации. Пригороды вывозили уже второй день, вечером очередь должна была дойти до центра. Все были на взводе; те, кто мог уехать, покинули город еще десять суток назад. Но я знала — срываться нельзя. Мы сидели в нашей уютной квартире, наслаждаясь тишиной. Хотя вещи давно лежали в коробках, а тревожные рюкзаки стояли прямо у порога.

Аномальная зона из Тверской области стремительно ползла к столице. Обратно оттуда никто не выходил. Связь с дронами и военными частями прервалась. Город пустел механически, по графику властей.

Я сняла с конфорки турку, поймав шапку кофейной пены, и разлила напиток по чашкам. На столе ждали бутерброды, пирожные и графинчик вишневой наливки. Наш последний цивилизованный ужин.

— Так я начинаю с «Хоббита» или сразу с «Властелина»? — уточнил Мишка, щелкая пультом.

— Все нормальные люди начинают с начала, — ответила Дашка, вгрызаясь в наполеон.

Мерзкий вой сирены гражданской обороны разрезал вечерний воздух именно в этот момент. Дочь подавилась. Брат похлопал ее по спине, я плеснула воды. Подошла к окну: внизу выстроились автобусы в сопровождении армейских грузовиков.

— Пора? — тихо спросила Наташа.

Мишка обнял сестру за плечи и посмотрел на меня с недетской грустью.

— Пора, — подтвердила я и резко задернула плотную штору. — Одеваемся. Грузим вещи. У нас два часа, чтобы вырваться из города. Пробок нет, успеем. Главное — не попасть в туман!

Дети спокойно дожевали икру на половинках вареного яйца — их любимое лакомство последних месяцев — и пошли собираться. Никакой суеты. Маршрут проложен до метра, нас ждет мощный катер на реке. Наташа уже трижды проехала этим путем, уверяя, что все получится. Нам оставалось только сесть и поехать.

Близнецы собрались за минуту, выставили сумки к порогу и замерли в ожидании копуши-матери. А я стояла посреди спальни и не могла вдохнуть. На кровати лежало простое хлопчатобумажное платье строгого фасона. Серый цвет, воротник-стойка, юбка в пол. Рукава длинные, застежка на груди — мелкие пуговицы, похожие на застывшие капли тумана. Рядом — тяжелый плащ из шерсти и льна, такие носили лет триста назад. На полу — кожаная котомка и темно-серые полусапожки. Сам ТихоМир так и не появился. Время пришло.

Я выглянула из комнаты. Посмотрела на своих детей и сестру.

— Я тут кое-что забыла сделать, — прошептала я. — Вы спускайтесь, грузите вещи. Я запру квартиру, выключу щиток и догоню.

Они синхронно кивнули, подхватили свои баулы и вышли. Мне стоило титанических усилий не броситься следом. Если я сейчас отпущу их и надену эту чертову робу, мои дети смогут жить дальше. Беды будут обходить их стороной. Таково было одно из первых моих желаний. И теперь пора платить по счетам.

Я скинула спортивный костюм. Футболку. Чуть не рассмеялась: серый спортивный топ и черные кружевные трусики идеально подходили к ситуации. Ненавистный наряд сел как влитой. Пуговицы сами защелкнулись на манжетах и груди. Длинные русые волосы сами собой заплелись в тугую косу. Серо-синие глаза обожгло слезами, но я зло сморгнула их и заставила себя растянуть губы в улыбке. Платье великолепно подчеркивало талию и грудь. Лицо слегка засияло, черты стали тоньше. Сделав глубокий вдох, я накинула на плечи тяжелый плащ.

В прихожей скрипнул паркет. Вернулась Наташа. Она стояла в центре коридора с абсолютно потерянным видом, словно силилась вспомнить, зачем пришла.

— Тёть Наташ, ну чего ты там застряла? — ворчливо крикнула Дашка, заглядывая внутрь. — Мы всё взяли! Поторопись, нам нужно успеть на катер до того, как придет туман!

— Мне показалось, я что-то забыла, — пробормотала сестра. Взгляд упал на ключи в керамической чаше на тумбе. — Ну конечно... А вдруг всё наладится, и мы вернемся?

Она взяла связку, вздохнула и плотно закрыла за собой дверь.

Они не видели меня. Я стояла на пороге своей комнаты в конце длинного коридора, буквально в пяти шагах, и они смотрели сквозь меня. Для сестры и детей я умерла три года назад. ТихоМир предупреждал об этом эффекте: надев платье, я стала невидимкой для тех, кого любила. Меня либо забыли, либо считают мертвой.

Мишка вышел, замок щелкнул. Я осталась одна. Воздух вдруг стал густым, дышать стало больно. Дети меня не увидели. Это ранило сильнее физической боли. Я метнулась к окну, чтобы проводить их взглядом. Они торопливо погрузились в машину и под окрики военных выехали со двора. Остальные горожане, те, кто не смог сбежать сам, добровольно-принудительно лезли в душные салоны автобусов.

Я отвернулась от окна. Накрытый стол с нашими любимыми вкусностями выглядел издевательством. Налив себе полную рюмку наливки, я выпила ее залпом. Не почувствовав вкуса, закусила пирожным и принялась методично собирать продукты в мусорный пакет. Сложила всё, вынесла к лифту. Обула тяжелые сапоги, повесила на плечо котомку. Квартиру запирать не стала — швырнула ключи внутрь, даже не проверив содержимое кошелька. Выбросила мусор в уличный бак, запахнула непривычный плащ и вышла на опустевший проспект.

Город пах ночной прохладой и озоном.

— Ну и куда мне идти? — спросила я темноту.

Из-за поворота показался свет фар. Колонна автобусов прошла мимо, не заметив одинокую фигуру в тени арки. Сейчас я никого не хотела видеть. Нужно было принять свой новый статус служительницы собственному платью. Хотя почему ТихоМир называл его хламидой? Наряд сидел безупречно.

Так я и стояла посреди проспекта, крутясь на месте. Почему платье? Почему серое? Почему эта нелепая форма? Ответ пришел сам. В воздухе повисла сырость. По асфальту заструился легкий дымок, поднимаясь выше колен. Туман сгущался, поглощая Москву. Он становился всё плотнее, отрезая звуки. И когда пелена скрыла дома, меня мягко, но настойчиво толкнуло в спину. Сомнения исчезли. Туман родился в Тверской области. Значит, мой путь лежит туда.

Туман к утру развеялся, оставив после себя промозглую сырость во влажной одежде и тяжелый запах мокрого асфальта. Или я просто привыкла к полумгле. Мне казалось, что пелена исчезла, открывая серое небо. Я шла уже второй день пешком. На выезде из города, свернув не туда, я наткнулась на брошенную «Ниву». Она завелась с полуоборота. Ни капли не смущаясь, я проехала на чужой машине до сухого бака. Дальше начался конвейер разочарований: найденные авто либо молчали, либо встречали меня пустотой бензобаков. Пришлось смириться. В одном из брошенных автобусов я одолжила палки для скандинавской ходьбы и побрела дальше.

Желание идти было непреодолимым, почти механическим. Я засыпала поздно вечером, проглотив незамысловатый ужин. Бутерброд с сыром и ветчиной да чай из термоса. Эти двое поселились в моей котомке на правах проклятия стоило мне лишь подумать о голоде. О чем я думала, загадывая желание никогда не нуждаться в еде? Бог знает. Но бутерброды из моего детства оказались ужасно продуманным желанием. За всё время пути я не встретила ни души. Меня окружал только шелест леса и далекие, глухие раскаты взрывов. Кто с кем воевал там, впереди, я не знала, но упорно шла на звук стрельбы. Назад дороги не было.

Время близилось к вечеру, когда ноги окончательно отказались держать. Я опустилась на лавку старой, полуразвалившейся автобусной остановки, решив дожидаться утра. И тут воздух дрогнул. Гул двигателей, лязг гусениц по разбитому асфальту. Звук был знакомым — каждый год на майские мы водили детей смотреть репетицию парада. Я осталась сидеть, надеясь, что военные слепы. Туман вокруг моих ног начал сгущаться, словно пытаюсь укрыть под своим одеялом. Я была ему благодарна.

Мимо проползли танки, самоходные гаубицы, еще несколько машин, очертания которых тонули в молочной пелене. Они должны были проехать мимо. Когда рядом со мной резко затормозил броневедомитель «Буран», сердце пропустило удар.

— Мужики, только быстро! — раздался веселый голос изнутри. — Если Филин узнает о нарушении приказа не останавливаться, он нас всех расстреляет без суда и следствия!

— Да мы мигом! — ответил молодой бас. Из машины вылетели трое бугаев в полной боевой выкладке и скрылись за единственной целой стеной остановки.

— Чтоб я еще раз этот деревенский квас перед рейдом пил!.. — простонал один из них, выходя обратно. Он поднял глаза, увидел мой силуэт в дыре стены и растерянно выдохнул: — Здрасти, бабушка...

Я сидела, закутанная в плащ так, что лица не разглядеть. Лишь молча кивнула.

— А вы тут чего делаете? — поинтересовался второй, справивший нужду и подошедший ближе.

Я пожала плечами. Он сам ответил за меня:

— От своих отстали?

Я снова кивнула.

— И как вы теперь? — крикнул из кабины строгий водитель. — В округе никого, кроме нас и этой пакости нет?

Я неопределенно повела плечом. Понятия не имею, что у них считается «пакостью». Мужики переглянулись. Бросить женщину они не могли, нарушать приказ — тоже.

— Ладно, — вздохнул тот, что бегал за угол. — Не бросать же вас. Садитесь в машину. Надеюсь, Филин нас не прибьет. Если что — я с ним поговорю... По-свойски.

На секунду я засомневалась. Но Тихомир говорил, что моя задача — влиять на судьбы людей. Пора начинать. Оперевшись о палки, я тяжело поднялась на отекавшие ноги, сгорбив спину по-старушечьи. Парни сунулись помочь забраться в высокий салон, но я влезла сама. Водитель рванул с места, нагоняя колонну.

Ехали недолго. Через двадцать минут «Буран» свернул с трассы на грунтовку и выскочил на огромную расчищенную площадку. Танки, самоходки, ряды палаток и сизые дымы полевых кухонь. Машина остановилась возле злого капитана. Парни посыпались наружу, выстраиваясь по стойке смирно.

— Ну и? — тихо спросил капитан.

Он был рыжим, зеленоглазым. Красивые, почти женские глаза странно контрастировали с носом-клювом. Рыжая щетина топорщилась иголками.

Водитель помог мне выбраться и виновато пробасил:

— Как бы вот... Не бросать же бабушку на дороге.

Капитан шагнул ко мне, явно собираясь устроить разнос всей компании, но осекся. Я откинула капюшон.

— Женщина, вы кто? То есть... откуда здесь? Как выжили? — удивление стерло злость с его лица.

— Вот тебе и бабушка! — присвистнул водитель. Вокруг начала собираться толпа любопытных.

— И как звать барышню? Как вы тут одна-то... — протиснулся вперед плотный майор.

— Лебедева Таисия Михайловна, — тихо ответила я, наблюдая, как сквозь солдатское кольцо проходят женщины в форме медслужбы.

— Майор Алексей Святославович, — представился он. — Как вы вообще здесь оказались?

— Стечение обстоятельств, — уклончиво ответила я, выпрямляя спину. Пусть видят человека на своем месте.

— Монашка, что ли? — прищурился рыжий Филин, разглядывая воротник-стойку.

— Почти, — улыбнулась я. Майор почему-то облегченно выдохнул.

— Послушница? Это хорошо. Вы случайно не из Благовещенского монастыря? У вас там вроде сестер милосердия обучают? Крови боишься?

— Нет. Волонтерила в больницах. У меня четыре курса меда, — ответила я и мысленно усмехнулась. Лучшая студентка потока, пока муж не приказал сидеть дома с детьми.

— Отлично! — просиял майор. — Ситуёвина у нас аховая. Колонну медиков порвали. Из врачей остался пацан сопливый, да и тот умом тронулся. Мы его спиртом накачали, спит. Ранеными занимаются все, кто может. Так что тебя нам сам бог послал!

— Алексей Святославович, давайте я нашу посланницу в госпитальную палатку отведу? — пророкотала рослая женщина в мятой форме, сжимая в руке половник.

— Ой, Мия Егоровна, спасти ее от меня не надо, не съем я девушку, — хмыкнул майор. — Пойдемте, покажу фронт работ.

— А в тыл их отправить нельзя? — неуверенно спросила я, делая первые шаги.

— Нельзя. Мы в окружении. Я поражаюсь, как ты жива дошла. Ваш монастырь одним из первых туман сожрал...

— Я не в монастыре была... — попыталась вставить я правду.

— Повезло, значит, — отрезал майор, не слушая. — Может, твое везение и нам поможет. Запомни главное: начнут стрелять — лежишь. Велят бежать — бежишь. Накрываешь голову руками или отползаешь. Поняла?

— Поняла, — кивнула я, глядя на большую брезентовую палатку. У входа курили те самые три лейтенанта.

— А вы чего тут ухари забыли?! — шутливо возмутился майор вытянувшимся бойцам.

— Товарищ майор, разрешите взять шефство над монашкой? — выступил вперед самый высокий, худощавый парень с цыганскими глазами. — Она ж устава не знает, а мы объясним.

— Чтобы вы понимали о монашеской дисциплине, наша армейская там и рядом не стояла, — фыркнул сержант, бывший моим водителем.

— Артем Матвеевич, ну а ты куда? — всплеснул руками майор. — Этим хоть трава не расти, а ты-то взрослый человек!

Матвей Артемьевич, солидный мужчина лет сорока, лысый, с глазами серьезного озорника, пожал плечами:

— А я за этими оболтусами по привычке приглядываю.

— Майор, в штаб вызывают! — крикнули издали.

Алексей Святославович кивнул мне на прощание:

— Таисия Михайловна, изучайте хозяйство. Раненых немного. Мало кто выживает после встречи с той пакостью. Медик проспится — присоединится. А эти трое пусть будут вашими телохранителями, сами напросились.

Майор козырнул и растворился в сумерках.

Сержант подошел первым, протягивая огромную ладонь:

— Ну что, сестричка, знакомиться будем? Черных Матвей Артемьевич. Скажешь слово — помогу. А это наши герои-акробаты: Архипов Дмитрий, Потапов Руслан и Кузнецов Всеслав. Хорошие парни, просто взрослеть ленятся.

— Матвейч, ну началось! — буркнул белобрысый конопатый Всеслав.

Я пожала руку сержанта и улыбнулась парням: смуглому Руслану, рыжему Дмитрию (точно родственнику капитану-Филину) и светловолосому Славе.

— Рада знакомству. Но если вы не против, я бы хотела заняться ранеными.

Внутри пахло кровью, гноем, хлоргексидином и отчаянием. Полумрак разрезали лучи заходящего солнца сквозь щели в брезенте. Ряды коек стояли почти пустыми. Только у самого входа жизнь держалась на волоске — восемь человек. Трое в сознании, остальные выглядели скверно: потные, с окровавленными бинтами, почерневшими губами. Они смотрели на меня как на призрака.

Я скинула тяжелый плащ, повесила его на спинку стула и прошла к посту сестры. Времени на страх не было. Припрягла «телохранителей» таскать воду и менять бинты. Оказалось, руки помнят: конспекты четырех курсов всплывали в голове сами собой. Игла вошла в вену ровно с первого раза.

Когда перевязки закончились, температура у тяжелых начала падать. Я приняла еще пару бойцов с ожогами. К половине первого ночи, закончив обход, я рухнула на стул у входа. Над головой мерцало звездное небо, то прячущееся в рваных облаках. Успею еще наглядеться.

— Что здесь произошло, Матвей Артемьевич? — спросила я сержанта, который сидел рядом, привалившись к столбу. — Раны рваные, укусы. Будто звери лютые рвали.

— А ты везучая, раз не видела эту мерзость, — он махнул рукой за спину, в сторону леска. — Пакость эта из трещины, что прямо в воздухе висит, лезет. Твари, мутанты, демоны — называй как хочешь. Появляются по одной, по три, а бывает — прут сплошным потоком. Сбор-

ная солянка полков держит периметр. Первые потери были жуткими, особенно когда крупные особи пошли. Их только танком и возмешь. Много ребят осталось там. Мы истребляем гадов, а они то в лес уйдут, то опять на прорыв. Держим их, чтобы народ эвакуировать успели. Стоим, ждем, пока яйцеголовые что-нибудь придумают.

— За леском, значит... — прошептала я.

Матвейч замолчал. Телохранители похрапывали в припаркованном неподалеку «Буране».

— Почему вы за ними смотрите? — кивнула я на парней.

— А кому больше? — грустно усмехнулся сержант. — Мальчишки совсем. Со студенческой скамьи — сразу в мясорубку. Ты не думай, они геройские. Связистов наших отбили, того психованного врача вытащили. Он их чуть не перестрелял со страху, а они его из-под монстра выдернули.

— Молодцы, — прошептала я.

Из палатки раздался протяжный стон. Обезболивающие плохо помогали — раны продолжали сочиться темной сукровицей. Яд? Магическая инфекция?

Я опустила на колени возле койки рядового Конфеткина. Погладила по перебинтованной голове. Он застонал тише. Я закрыла глаза и тихонько запела старинную колыбельную. Ту самую, что мама пела мне в детстве, а потом я — своим детям. Голос всегда был моей силой. Музыка сплеталась со словами в невидимый узор.

Когда я открыла глаза, Конфеткин смотрел на меня. Взгляд перестал быть стеклянным.

— Ты пой, пой, — попросил он шепотом. — От твоего голоса дышать легче. Боль уходит. Пой, родная.

Я огляделась. Все восемь. Даже те, кто казался безнадежным, следили за мной взглядом. Я запела вторую песню. Потом третью. Парни обмякли на подушках, дыхание выравнилось.

Мне показалось, что я вижу, как мелодия вымывает черноту из их сосудов. Наконец-то стало ясно, какой будет моя магия.

Спев последнюю строчку, я смотрела, как спадает жар с их лиц, как перестают кровоточить края повязок. Они спали здоровым сном. Я сидела на грязном полу среди восьми спасенных жизней и боялась пошевелиться. Простая песня сделала то, чего не смогла сделать военная медицина.

— Таисия, ты тут? — Руслан просунул голову между полотнищ входа. — А мы тебя потеряли. Заглянули в палатку — пусто. Опять в лес бегала? Узнает майор или того хуже — наш генерал в юбке, уши оборвет!

— Я тут, а ты там. Либо туда, либо сюда, уважаемый Руслан Миронович, — улыбнулась я, поправляя угол одеяла на койке и пряча досаду. До разлома мне дойти так и не дали. Едва подлесок пересекла, как из кустов вылез незнакомый капитан. Чуть выше меня ростом, глаза стальные, лоб нахмурен.

— Ты кто? — спросил он прокурорским тоном.

— Тася. Медсестра, — почти шепотом ответила я. Когда пугаюсь, перехожу на шёпот.

— А, монашка... — неприятно ухмыльнулся он, сканируя меня взглядом. — Куда собралась?

— Травы нужны. Лечебные, — совсем оробела я под этим рентгеном и кажется даже всхлипнула.

— Обойдешься без травки, чудо серое. Тебе жить надоело? Там же разлом! Иди отсюда. И чтоб у леса я тебя больше не видел.

Я заправила койку выписанного пациента. В госпитальной палатке царил идеальный порядок. Трое тяжелых спали после утренних процедур. Пятеро ходячих уже собрались у выхода со своими вещмешками — попросили отпустить их к месту службы. С разрешения майора Алексеева я смиловилась и отпустила мужиков.

— Тебе что-нибудь нужно? — Руслан продолжал торчать в проходе, не замечая подкраившуюся сзади Мию Егоровну с контейнером еды для раненых.

— И чего встал столбом? — возмущенно спросила повариха, отвечивая лейтенанту коленом знатный пинок под зад. Парень неловко кувыркнулся и шлепнулся на дощатый пол.

— Ой-й-й, Мия Егоровна, за что?! — возмутился было Руслан, потирая ушибленное место. — Вот скажите, почему вы такая красивая женщина и такая...

Повариха приподняла одну бровь. Взгляд обещал медленную казнь.

— ...И такая генеральша! — разумно закончил лейтенант, вскакивая и принимая из рук женщины тяжелый контейнер.

— Милый мой лейтенант, если бы ты знал печаль моего отца, когда ему принесли пятую девочку вместо наследника, — широко улыбнулась Мия Егоровна. — Пришлось растить не генералов, а жен для них. Дед-то у меня казак был, ух, лихой! Да я еще мягонькая, до генерала не дотягиваю. Это сестрицы мои старшие... Но ты зубы мне не заговаривай. Чего тут трешься? Тасю отвлекаешь?

— Он пришел спросить, не нужно ли воды натаскать, — вступилась я за парня.

— Дело хорошее, — кивнула повариха и указала взглядом на ведра у колодца. — Инструмент тебе в руки, шагом марш.

Руслан спорить не стал. Подхватил цинковые ведра и умчался.

— Тася, я парней сама покормлю, — мягко окликнула меня Мия Егоровна. У нее явно был синдром наседки. — Там твой Юрасик опять истерить собрался. Сходи, песенку ему спой, а?

— Опять? — почти возмутилась я. — Не помогают ему колыбельные. Пара часов тишины — и снова слезы.

— А ты ему другое спой, глядишь, поможет, — посоветовала повариха и буквально вытолкала меня наружу.

— Три дня пою одно и то же, толку чуть... — проворчала я, увидев Всеслава и Дмитрия возле старого пазика-изолятора. Сердце екнуло от облегчения.

Юрасиком звали молодого врача Юрия Семеновича Друзя. Выживший в бойне парень погрузился в глубокую детскую капризность. Я подозревала, что и до тумана он был избалованным маменькиным сыночком, неприспособленным к реальности. Потому и сломался первым.

Его поселили в старый медицинский ПАЗ. Все окна, кроме лобового, выбило взрывной волной. Лейтенанты заколотили проемы фанерой, демонтировали сиденья, превратив салон в относительно безопасную коробку.

— Он тебя ждет, орет благим матом, никого не подпускает, — сообщил Всеслав вместо приветствия, открывая дверь.

— Аккуратнее, он разбушевался, — предупредил Дмитрий, щелкая предохранителем пистолета. — Если что, шприц транквилизатора у меня с собой.

— Сначала попробуем без химии, — прошептала я и поднялась в душный автобус.

Юрасик сидел в самом конце салона. Полумрак скрывал его фигуру, но я видела силуэт: обхватив колени руками, он раскачивался и бормотал. Затравленный взгляд блеснул из темноты. Светлые волосы стояли дыбом, лицо в грязных разводах от слез. На меня он смотрел так, будто это я виновата во всем мироздании.

— Юрась, ну ты чего раскапризничался? — спросила я, подходя к парню, который был на полторы головы выше меня.

— Они идут! Уже совсем рядом! — заявил он детским голосом.

Я села рядом, крепко обняла его за могучие плечи, погладила по голове.

— Тише-тише, всё будет хорошо...

— Не будет! — резко дернулся он, надув губы.

— Хочешь, спою новую песню?

Он кивнул, прижимаясь лбом к моему плечу. Я открыла рот, собираясь затянуть мелодию из старого детского фильма, как вдруг снаружи раздался сдавленный мат Руслана, звон упавшего ведра и громкий, режущий слух шепот Мии Егоровны:

— Замрите. Ни звука.

Я медленно встала, показав перепуганному Юре пальцем прижаться к полу, и на цыпочках прошла к водительскому сиденью.

У опушки, возле наспех сколоченного колодца и пожарного щита, замерли Руслан и Мия Егоровна. Напротив них стояла тварь размером с теленка — помесь огромной собаки и крокодила. Гибкий хвост хлестал бронированные чешуйчатые бока. За ней жались шестеро подобных поменьше — неуклюжие, на дрожащих лапах.

— Детенышей привела, — выдохнул Всеслав, появляясь сбоку. — В лесу живности не осталось.

— Главное, не стреляй, бесполезно, — процедил Дмитрий. — Бить только в пузо. Мягкое место.

Все замерли. Из чащи выходили новые монстры. Время утекало сквозь пальцы.

В моей голове внезапно зазвучал жесткий гитарный рифф AC/DC — Thunderstruck. Сделав глубокий вдох, я шагнула из автобуса. Юрасик заскулил где-то за спиной. Лейтенанты попытались схватить меня за полы плаща, но я рванула вперед. Всеслав успел лишь сорвать резинку с моей косы, рассыпая русые волосы по плечам.

Оружия не было. Только безумная ярость музыки. Возле пожарного щита я сорвала тяжеленный ломик, крутанула его над головой, перехватывая центр тяжести, и с воплем разъяренной фурии понеслась на вожака стаи.

Мир сузился до размеров арены. Была только музыка в ушах, свист железа и оскаленные пасти. Я крутилась волчком, отбиваясь от невероятно шустрого «кроко-пса», стараясь не насадить на железо людей. Шкура зверюги оказалась прочнее танковой брони. Лом оставлял на ней лишь глубокие царапины. Щенки путались под ногами, пытаясь вцепиться в икры. Трех я отправила в полет ударами сапог, самого наглого приглубила железом промеж глаз.

Тварь взвизгнула, неожиданно приподнимаясь над землей. Ее брюхо оказалось пробито багром. Я перевела взгляд: бледный Юрасик стоял у двери автобуса, сжимая рукоять пожарного инструмента.

— Я сделал это... — пробормотал он.

Я благодарно улыбнулась ему, только сейчас услышав сухие хлопки автоматных очередей.

Убрав волосы с глаз, я огляделась. Лейтенанты залегли за перевернутым бронетранспортером, отстреливая волну монстров, першую сплошной стеной из леса. Со стороны лагеря бежали солдаты. Разлом выплеснул море твари.

Пора. Три года сладкой жизни закончились именно здесь. Я посмотрела на свой лом. Боевой запал угас мгновенно. Железяка стала неподъемной, свинцовой. Пальцы сами разжались.

— Юрий Семенович, идите в госпитальную палатку! — строго крикнула я врачу, который заворуженно смотрел на приближающуюся смерть. — Сегодня вам придется поработать. Времени на невроты нет.

Юрасик моргнул. Его взгляд впервые за неделю стал осмысленным и жестким. Он коротко кивнул и побежал к госпиталю.

А я глубоко вздохнула, расправила плечи и прошептала себе:

— Ты справишься.

Сделала первый шаг. Подол платья натянулся и тяжело, металлически брякнул. Приподняв край юбки, я увидела стальной блеск лезвий, вплетенных в ткань. Улыбнувшись, придерживая импровизированную кольчугу повыше, чтобы не порезать ботинки, я побежала навстречу монстрам.

Ритм сердца перешел в мелодию корриды из оперы «Кармен». Я метнула тяжелый подол широким круговым движением. Резко дернула ткань на себя, создавая рубящий удар. Горло первого монстра окрасилось черной кровью.

Танцевать смертью пришлось долго. Монстров было слишком много, но острая кромка ткани расчищала путь. Я прорвалась сквозь живой заслон и вылетела на федеральную трассу. Лес остался позади. Впереди, прямо над асфальтом, зависла огромная трещина. Она переливалась алмазным светом, искрясь изнутри.

— Вот ты какая, пакость пакостная? — прошептала я, переводя дух.

Вокруг валялись выбеленные кости — предыдущие волны монстров сожрали своих мертвых. Среди мусора виднелись перевернутые танки. Рядом с разбитым джипом лежало брошенное противотанковое ружье ПТРД. Матвей Артемьевич показывал мне такое в своем «Буране».

Схватив ружье, я поставила его на сошки. Проверить механизм, передернуть затвор. Патронник оказался полон. Хищно улыбувшись, я направила ствол на разлом.

Выстрела не последовало. Вместо грохота — глухой хлопок сжатого воздуха. Патрон вырвался из ствола, но, столкнувшись с энергией трещины, ярко вспыхнул и упал на асфальт тусклой стекляшкой.

Я зарычала от бессилия, бросила бесполезное ружье и подбочилась. Что делать с этой аномалией? Энергия хлестала бурным потоком. Сияние нарастало. Еще пара минут — и разлом расширится настолько, что сметет остатки полка.

Современное оружие бесполезно. Нужно что-то родственное этому миру. Мой взгляд зацепился за огромный череп мертвого гиганта. Возле него валялся сломанный рог — витой, острый, похожий на копье. Он был частью той экосистемы, значит, энергия разлома должна пропустить его внутрь. По крайней мере, я очень на это надеялась.

Рог оказался легким. Я подняла его, прикидывая вес. Как зарядить его магией? Мне нужна была надежда. Нужна была чистая, слепящая победа.

В голове зашептала, а затем загремела старая песня о Родине из фильма «Семнадцать мгновений весны». Я не рискнула петь ее вслух — горло сжалось спазмом. Я лишь напевала мотив про себя, вкладывая каждую ноту в костяной наконечник.

За спиной, в лесу, начали рваться снаряды тяжелой артиллерии. Военные выжигали сектор. А я замахнулась и швырнула рог прямо в пульсирующее сердце разлома.

Сначала ничего не произошло. Трещина лишь мигнула. Я уже опустила руку, ища глазами еще один крупный обломок, когда воздух дрогнул. Энергия внутри разлома пошла рябью, вибрация сменилась низким гулом, и сияние резко оборвалось. Пространство затряслось, словно раненое животное, пытающееся сделать последний вдох.

— Ложись, дура! — чей-то крик ударил по барабанным перепонкам.

Я рухнула на горячий асфальт, накрывая голову руками.

Разлом взорвался беззвучной вспышкой света. Волна чистой энергии прокатилась по земле, вымораживая внутренности. Позже я назову ее магической. Сейчас я просто чувствовала, как она меняет структуру всего вокруг: перекручивает молекулы травы, заставляет деревья расти вбок, изменяет насекомых и саму плоть людей. Я лежала под этим водопадом, молясь лишь о том, чтобы выжить.

— Вон она! — далекий голос Руслана пробился сквозь звон в ушах.

Я приоткрыла глаза. Ко мне бежали трое лейтенантов и какой-то седой мужчина.

— Ты сдурела, монашка шаолиньская?! — заорал Всеслав, хватая меня за плечи и помогая встать.

— Не ори на нее! — рыкнул Руслан, отряхивая с моего плаща пыль и пепел. — Не видишь, контузило!

— Я в порядке, — проорала я, едва слыша собственный голос. — Просто заложило.

— Еще бы! Наши как увидели, куда ты полезла, решили — хана тебе. Вдарили по тварям всем, что есть! — Дмитрий кивнул на седого мужчину. — Хорошо, капитан тебя заметил. Чудо вообще, что ты после такого взрыва на атомы не распылалась!

Я обернулась. Капитан. Тот самый, рыжий Филин, что три дня гонял меня от леса. Он молча кивнул мне, развернулся и пошел прочь. Без единого слова.

— Ух, туманище прет! — воскликнул Руслан, глядя мне за спину.

Я обернулась, чувствуя привычную грусть расставания. В руке легла лямка котомки, на плечах навалилась тяжесть плаща.

Парни инстинктивно отшатнулись, а потом попытались поймать меня за руки, но туман уже сомкнулся плотной стеной. Для них я исчезла.

— Э, куда?! — возмутился Слава пустоте.

Пришло время уходить. Я провела среди военных семь дней из десяти отпущенных. Теперь контракт велел идти дальше. Я ступила на потрескавшийся асфальт, сквозь который уже стремительно пробивалась молодая изумрудная трава.

Глава 2

Я вышла из тумана на третий день. Мир вокруг казался обманчиво прежним. Люди возвращались в дома, эвакуированные города приходили в себя, погибшим отдали последние почести по телевизору. А я продолжала идти. Не торопясь, растворяясь в пейзаже.

В какой-то момент мое серое платье превратилось в обычный джинсовый сарафан, а плащ — в легкую куртку. Я заметила это только у витрины кофейни, глядя на свое отражение. Удивляться сил уже не было. Мне нужно было восстановить силы, выпить кофе и решить, что делать дальше. Чашечка латте со свежей булочкой с корицей показалась идеальным способом подумать.

В заведении было пусто. Бариста — парень с ядовито-зеленым ежиком волос — сонно протянул мне меню.

— Большое латте и булочку, — бросила я, даже не взглянув на ламинированный лист, и заняла место у стойки поближе к телевизору.

— Да не было у нас ядерных взрывов! — жарко спорили две девушки у дальнего столика. — Хватит верить этому Марку из чата, он трепло!

Обычно в таких местах крутят клипы, но бариста явно был прикован к новостям.

— О, опять про Гавайи оживились! — воскликнул он, прибавляя громкость.

Ведущая с идеально уложенной прической вещала о международном кризисе:

— Остров Гавайи поглощен туманом. Эвакуацию успели провести, но местные отказывались покидать опасаясь мародеров... Губернатор отрицает наличие военных, однако рыбаки слышат канонаду... На данный момент зафиксировано четыре аномальные зоны: Австралия, Дания, Турция и Россия...

Я не стала дергаться. Меня эти разломы пока не касались. Тихомир говорил, что я была шестнадцатой. Пока есть те пятнадцать, меня туман не звал. У меня было время на отдых.

Люди меня редко замечали. Я скользила серой тенью в уголке их зрения. Полиция искала медсестру Лебедеву — мои телохранители фотографировали меня для семейного архива, и теперь один из снимков висел на доске «Их разыскивает полиция» возле райотдела. Я специально толкнула полицейского, обновлявшего стенд. Он лишь раздраженно буркнул, продолжая рассматривать фото, так и не узнав во мне оригинал.

Лето подходило к концу, когда запах озона стал невыносимым. Внутренний компас потянул меня строго на север, в сторону Карелии. Поезд довез меня до Петрозаводска и встал намертво. Шеренга полицейских заблокировала выход на перрон.

— Опять началось! — возмутился мужчина на боковом месте, выключая старенькое радио. — Костомукша эвакуируется. Туман идет полосой. Военные выдвинулись навстречу, говорят, у них план.

Пассажиры загудели. Проводница быстро навела порядок криком, но я ждать развязки не стала. Незаметной мышкой выскользнула на пустой перрон мимо застывших патрульных. На мне снова было то самое платье, в руке — изящный посох. Его вырезал старый знахарь в полупустой деревне под Тверью. Старик сразу понял, кто я, три дня кормил травяными отварами и зашептал дерево на удачу. Я расплатилась сбором редких трав.

Такси поймать не удалось. Автобусы отменили. До Костомукши оставалось триста шестьдесят четыре километра. Времени мало, спина буквально горела от чужого зова. Нарушить закон ради благого дела? Легко. Я дождалась, пока водитель микроавтобуса выйдет покурить, скользнула внутрь и заблокировала двери. Мужчина заметил неладное, только когда повернулся ключ в замке зажигания. Он рванул ручку, но вокруг машины начал формироваться густой туман. Водитель отшатнулся от него, как от проказы. Теперь серый дым стал символом беды.

Проехав половину пути, я встала без бензина. Заправки либо закрылись, либо были оцеплены военными. Порадовавшись оперативности властей, я выбралась из кабины. Колонна армейских грузовиков заправлялась неподалеку. Охраны у последнего КАМАЗа не оказалось.

— Разгильдяи, — прошептала я голосом капитана Филина, подтягиваясь на руках через борт кузова. Коробки, брезент... Ни души.

— Опять ты? — раздалось за спиной.

Я чуть не взвизгнула. Медленно обернулась. Тот самый рыжий капитан.

— Почему вы меня узнали? — робко спросила я.

— По твоему дурацкому прикиду, ниндзя монашеская. Как сюда попала?

— Мне к разлому нужно. — честно призналась я.

— Снова будешь сквозь кусты красться?

— Надеюсь, нет. Но закрыть его надо быстрее...

Он смерил меня взглядом с ног до головы.

— Значит, ты у нас закрыватель разломов? Был такой в Турции, чудак в сером. Еле ноги унес, общаться отказался. Выходит, ты общительная?

— Нет. Просто пешком долго, а там что-то серьезное творится. Раз уж вы меня видите, может, поможете?

— Может, и помогу... — задумчиво протянул он. — При условии, что расскажешь всё.

— Без проблем, — улыбнулась я. — Тем более знаю я немного.

Тихомир разрешил говорить правду тем, кого сочту нужным. Сказал, все равно никто не поверит.

Я заглянула в стальные глаза капитана, и он впервые искренне, хоть и криво усмехнулся.

— Расскажешь всё — поедешь со мной. Машина одна. Только постарайся никому на глаза не попадаться. Иначе тебя заберут куда угодно, только не к цели. Тут многие считают, что разломы открывают такие, как ты. В Австралии целую охоту на тетку лет сорока устроили. Она просочилась сквозь оцепление и заморозила трещину.

Клим схватил меня за рукав и повел к видавшей виды «Ниве».

— Это не проблема. Кроме тебя, меня вообще никто не замечает. Что странно, — добавила я. — Ты единственный видишь.

Мы вышли на освещенную площадку перед колонной. Солдаты курили, смеялись. Клим оглянулся, обводя взглядом суетящихся бойцов.

— Как такое возможно? — пораженно спросил он.

— Я серая хламида. Для остальных меня здесь нет.

У капитана приподнялись брови.

— Садись в машину. Там поговорим.

Он захлопнул мою дверь и побежал к группе офицеров. Среди них выделялся широкоплечий полковник с волосами торчком и тяжелой челюстью. Капитан что-то ему втолковывал. Полковник нахмурился, переспросил, получил ответ и нехотя кивнул.

— Всё нормально, — Клим прыгнул за руль, заводя мотор. — Полкан недоволен, но приказ сверху четкий: не препятствовать. Мы идем в голове колонны.

— Почему тебе доверяют?

— Я чувствую пакость. Хорошее словечко из штаба прижилось. И сами дыры, и тварей теперь называют только так.

— Матвеич рассказывал, — улыбнулась я, вспомнив сержанта.

— Однажды я лежал в госпитале. Печень отказывала, уже на тот свет собрался. Ко мне пришел мужик, — Клим глянул в зеркало заднего вида, привычно пытаясь заглянуть мне прямо в душу. — Предложил сделку. Серая хламида, двадцать лет службы. За это вылечил печень одним касанием. Демонстрация силы, понимаешь? Но я тогда был не в себе. Мама умерла, отец ушел из семьи. Казалось, весь мир должен сгинуть вместе со мной. Я отказался. А он сказал, что я пригожусь. Оставил запасным вариантом. Через сутки врачи разводили руками, а я кусал локти.

— А я согласилась, — коротко ответила я. Услышав очередное требовательное урчание его желудка, я вздохнула. — Простите, капитан. Когда вы ели?

— А что?

— У вас так громко бурчит, что просыпается материнский инстинкт. Хочется накормить. Клим широко улыбнулся:

— Откуда у девчонки вроде тебя материнский инстинкт?

Я коснулась своего лица. Магия платья слегка омолаживала черты, стирала усталость.

— Сколько, по-твоему, мне лет?

— Восемнадцать. Ну, может, девятнадцать.

— Двадцать девять исполнилось недавно, — рассмеялась я. — Кстати, может, познакомимся? Или мне называть вас «товарищ капитан»?

— Климентий. А ты, насколько я знаю, Таисия? — взгляд его заметно потеплел.

— Клим, значит? — Я достала из котомки завернутый в фольгу бутерброд. — Поешь. Желудок не казенный. Второй раз ТихоМир может и не прийти.

Клим принял еду. Ел он жадно, явно жалея о своем отказе много лет назад. Я налила ему чая из термоса. В машине повисла тишина. Я смотрела на мелькающие сосны, вспоминая поездки с детьми, и украдкой стерла слезу. Клим тоже молчал, сурово сдвинув брови.

— Что там будет? — вдруг спросил он.

— Не знаю. Это мой второй разлом. Но спину жжет так, будто меня толкают вперед тараном.

Дорога опустела. Навстречу проносились лишь редкие легковушки — лица людей за стеклами были белыми от страха.

Через пятьдесят километров Клим резко ударил по тормозам. Нам навстречу ползла плотная стена тумана.

— Проезжай, — тихо сказала я. — Он нас пропустит.

«Нива» вошла в молоко. Я глубоко вдохнула. Дом. Мое пространство. Усталость мгновенно ушла, сменившись бодростью. Ноги перестали гудеть.

— Чего-то он быстро ползет, — проворчал Клим, притормаживая у брошенной деревни. — Прошлый раз медленнее был.

— Видимо, разлом большой.

— Разберешься еще, — подбодрил он меня, но тут же крутанул руль, разворачивая машину юзом. Меня мотнуло, я больно приложилась виском о стекло.

— А вот и пакость! — выдохнул он.

На горизонте, метрах в пятидесяти над землей, пульсировал разлом. Из него медленно, словно амеба, выползало существо размером со слона. Похожее на медузу, сотканную из

чистого электричества. Время от времени от нее отрывались молнии, вбиваясь в землю. Поселок внизу уже полыхал.

— И как ее уничтожить? — деловито спросил Клим.

— Понятия не имею. Но она застряла, — я почесала затылок. — Видишь, ей ни туда, ни сюда. Энергия концентрируется, происходит короткое замыкание.

— Если разлопнет от переизбытка?

— Будет большой бада-бум. Накроемся медным тазом, — ответила я сама не понимая, откуда знаю физику процесса.

— Согласен, — процедил Клим, доставая спутниковый телефон. — Сейчас сообщу координаты артиллеристам...

Медуза в проломе судорожно задергалась. Вспышка ослепила нас, воздух затрещал от статики. Телефон в руках Клима задымился и погас.

— Электромагнитный импульс, — констатировал он, выкидывая дорогую технику в траву.

— Что теперь? — почему-то спросила я у него.

— Это я хотел спросить у тебя.

Он смотрел так, словно я завалила выпускной экзамен. Мне стало обидно. Захотелось, чтобы он мною восхищался. Откуда это желание? Я отошла на пару шагов, собирая мысли, и уставилась на мечущуюся тварь. С физикой у меня всегда было плохо. Помню, как в десятом классе решила взбунтоваться против родительской опеки, прогуляла тему электричества и получила двойку. Бунта хватило на две недели, пока родители не пообещали отправить меня в Сибирь к дедушке — заслуженному учителю физики. Рисковать я не стала.

Идей не было. Песни, всегда выручавшие меня, молчали. Я не знала песен об электричестве. Стало холодно, зубы выбивали дробь.

Неожиданно сильные руки обхватили мои плечи. Клим прижал меня к себе.

— Не переживай. Придумаем. В этот раз ты не одна.

От него пахло табаком, адреналином и чем-то неуловимо родным. Я положила голову ему на плечо, позволяя телу расслабиться. Всего минута слабости, но дышать стало легче.

— Ты музыку любишь? — спросила я, отстраняясь ровно настолько, чтобы видеть его глаза. — Песни поешь?

— Издеваешься? Какое сейчас пение?!

— Самое время, — я снова прислонилась лбом к его воротнику. — Моя сила в песнях. Раненых лечила колыбельными, рог в первый разлом отправила с песней Кармен. Музыка материализует энергию. Но сейчас я в тупике. Нужна песня про ток, напряжение, разряд... Есть идеи?

Клим крепче сжал объятия.

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Спустя минуту он отпустил меня, взял бинокль и посмотрел левее поселка, где возвышалась сетка антенн.

— Видишь вышку? Там радиостанция. Если аппаратура не сгорела от импульса, найдем тебе трек.

— Давай попробуем, — с облегчением выдохнула я.

Разлом напрягся, пытаясь исторгнуть медузу целиком. Получилось вытолкнуть лишь одно щупальце. В землю полетел шквал молний. Волосы на голове встали дыбом.

— Лучше отъедем подальше и поищем интернет, — предложил Клим, глядя, как пожар сливается в единую стену пламени. — Кажется, земля горит.

— Поехали.

Машина отказалась заводиться. Туман сомкнулся плотной стеной позади «Нивы». Пути назад не было.

— Похоже, только вперед, — пробормотала я.

Клим взял меня за руку, морщась от разряда тока, прострелившего ладони.

— Тут бы костюм аквалангиста пригодился, а не тонкое платьице, — попытался пошутить он, но очередной раскат грома заглушил слова.

— Надо придумать песню самой, — прокричала я.

— Только давай уйдем с открытого места. Эта истеричка в небе покоя не даст, — он потянул меня к узкой проселочной дороге, уходящей в лесополосу.

Через двадцать минут ходьбы мы наткнулись на брошенную грузовую «Газель»: колёса увязли в глубокой грязевой луже. Ещё через пять минут перед нами возник небольшой домик с табличкой «Леспромхоз № 13». Дверь оказалась не заперта — видимо, работники покидали здание в большой спешке. Мы спокойно вошли в холл, где стоял старый, промятый и грязный диван. Четыре двери в кабинеты были открыты; внутри виднелись столы с компьютерами и горами бумаг.

— Тут пока побудем, — предложил Клим. — От грохота и ярких вспышек точно ничего не придумаешь. Кстати, я стихи сочинять не умею. А ты?

— Честно говоря, тоже, — со вздохом призналась я и закрыла за собой дверь.

В единственное окно, освещавшее холл, был виден густой лес. Он казался таким спокойным и зелёным, что создавалась иллюзия: за окном всё нормально, а мы с Климом просто слегка сошли с ума. Но эти мысли спугнул звук мощного взрыва — я, охнув, прижалась к Климу.

— Там, на пути пожара, была газовая заправка. Похоже, она взорвалась, — успокоил он меня. Я благодарно улыбнулась.

— Я что-нибудь придумаю. Вот сейчас сяду и придумаю, — пообещала я. Посмотрев на грязный диван, решила, что простого старого деревянного стула мне хватит.

Я вошла в ближайший кабинет и, слегка поморщившись от застарелого запаха сигаретного дыма, села за стол. Придвинув чистый лист, взяла в руки карандаш — и застыла. В голове не было ни единой мысли, разве что противное жужжание мухи, которое жутко раздражало. Я тряхнула головой, прогоняя этот образ, и посмотрела на чистый лист. Он словно смотрел на меня в ответ и, кажется, издевательски улыбался, дразня своей белизной.

— Тася, — услышала я знакомый голос и с трудом оторвала взгляд от загнипнотизировавшего меня листа бумаги.

На меня смотрел Клим, и в его взгляде было столько тревоги, что я невольно огляделась — нет ли какой опасности.

— Чего? — спросила я, не понимая, что происходит.

— Ты уже десять минут смотришь на этот лист. Он скоро дымиться начнёт.

— Лучше бы задымился — хоть что-то произошло бы, — призналась я. — У меня ступор, ни одного слова в голове.

— Это я понял по твоему выражению лица. Тебя как будто пытаются этим листом бумаги, — произнёс Клим. Опустившись передо мной на колени, он взял мои руки в свои и нежно улыбнулся. — Ты просто расслабься. Придумай цель, тему — и у тебя всё получится.

Он был таким милым, таким добрым и действительно хотел мне помочь. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг нагнулась и поцеловала его. Клим ответил на поцелуй, и в моей голове взорвался фейерверк чувств. Оказывается, я их просто очень плотно утрамбовала в своём подсознании и закрыла на прочный замок — а поцелуй Клима их высвободил.

Я вдруг поняла, что я нормальная, живая — и что хочу быть живой и свободной. Но для этого мне нужно победить сгусток энергии в небе, при этом не уничтожив всё вокруг. В голове сложился нужный образ.

Клим стащил меня со стула, повалил на пол и начал покрывать поцелуями. На какое-то время я забыла обо всём. Ещё никто и никогда так страстно меня не целовал и не шептал таких нежных слов.

Возможно, мы так бы и не вспомнили о том, что творится за окном, и продолжили наслаждаться друг другом. Но пол под нами вздрогнул, окна в здании разлетелись острыми осколками, и в помещение ворвался раскалённый ветер. Здание закричало, затрещало. Клим одним рывком поставил меня на ноги, и мы выбежали на улицу.

Медуза почти полностью вылезла из пролома — ей оставалось совсем чуть-чуть. Скоро она будет свободна, и тогда её уже никто не остановит. У меня спина заледенела от мысли, что медуза будет летать по моему миру: добра от неё я не ждала.

Слова песни сложились в голове сами собой. Я посмотрела на пожарный щит и, торжествуя потирая ладони, пошла к нему. Там не было лома, но был железный прут с заострённым концом и приваренным к нему крюком. Тот, кто сотворил это металлическое нечто, явно пытался сделать багор — и у него не очень получилось. Прут был коротковат для багра, но идеально подходил для меня.

— Мне нужен трос или проволока потолще, — сказала я Климу. Он без разговоров пошёл в здание леспромхоза искать проволоку.

Пока он пытался взломать единственную запертую дверь в одном из кабинетов, я стояла и складывала стихи с возникшей в голове мелодией. Через пару минут я уже напевала новую песню, пробуя наполнить её своей магией, — и песня откликнулась. Энергия впилась в багор, и он стал слегка накаляться. Жар был приятным.

Когда Клим принёс целый моток стальной проволоки, я с облегчением вздохнула и попыталась примотать её к своему оружию. Но проволока была слишком жёсткой и плохо гнулась. Клим отнял у меня недобагор и сделал всё сам. Затем он размотал проволоку полностью и свободный конец примотал к обрезку металлической трубы — она служила опорой для деревянного забора, который длился всего пару метров и просто обозначал территорию леспромхоза.

— Длины, надеюсь, хватит, — сказал он с сомнением. Я взяла недобагор, как метательное копьё. Клим тихо пожелал мне:

— Удачи.

Я кивнула и, закрыв глаза, сосредоточилась на песне:

Энергия жизни планете нужна,
Ты в землю её опусти.
Любовью и светом заполни сполна,
Зло отпусти и прости.

Жизненный свет заберу у тебя,
Наполню энергией Землю.
Чтоб польза была для тебя и меня,
Развитие скверны замедлю.

(автор Юлия Никитина)

В какой-то момент моё оружие раскалилось до предела и, задрожав, вырвалось из моей руки. Я вскрикнула от неожиданности и открыла глаза. Железяка с прикрученной проволокой вонзилась в тело медузы. Та, вздрогнув, замерла на минуту.

— Не получилось... — прошептала я. Клим прижал меня к себе.

— Не спеши. Там явно что-то происходит, — успокоил он. Я снова посмотрела на медузу.

Она вдруг пошла рябью, стала зеленеть и искрить. Молнии прекратили бить в землю, а по проволоке потёк тонкий зеленоватый поток энергии. Разлом тоже начал менять цвет — с голубовато-фиолетового на зелёный, — но при этом вздрагивал и скрежетал.

— Сейчас рванёт, — сказал Клим.

— Не-е-ет, сейчас жажнет, как в прошлый раз, — ответила я. Мы, не сговариваясь, легли в траву, и Клим накрыл меня собой.

Оно не рвануло и не жажнуло. Разлом и медуза взорвались так ярко и сильно, что нас протащило по земле несколько метров. Лес, росший ближе всего к разлому, лёг наземь полностью, а здание леспромхоза сдуло, как пушинку...

К ниве Клим мы вышли уже почти в полной темноте — слегка оглохшие, но довольные. Он держал меня за руку: у меня ноги время от времени подкашивались, а голова кружилась. Платье было всё в зелени травы и кое-где порвалось, плащ тоже весь вымазался. Клим прижимал к виску мой носовой платок и прихрамывал: ему на ногу упал кусок дерева.

Нам навстречу выехала колонна грузовиков — как раз когда мы подошли к машине. Клим нахмурился: из головной машины вышел тот самый полковник, с которым он разговаривал на заправке.

— Я так и знал! Эти твари создают разломы! — торжествующе прокричал полковник. — Молодец, капитан! Будет тебе рапорт на очередную награду. Поймал всё-таки эту тварь серую!

— Товарищ полковник... — начал Клим. Я поняла, что пора спасать ситуацию.

Осторожно высвободив руку, я попросила туман ускориться — и он меня услышал. Военные, как я и ожидала, отшатнулись от стены тумана. Клим повернулся и лишь успел увидеть, как я послала ему воздушный поцелуй.

— Чего замер, капитан? Держи бестию!..

Глава 3.

Запах озона въелся в кожу, волосы и даже в самую душу. Для обычного человека этот резкий, медицинский аромат грозы означал приближение бури. Для меня он стал запахом будильника. Три года назад я проснулась от него впервые на мокром асфальте под Тверью. Сегодня я открыла глаза в стоге прелого сена где-то на границе бывшей Тульской области.

Мир за окном моего соломенного убежища больше не был прежним. Солнце висело над горизонтом тусклым, болезненно-желтым пятном, словно кто-то натянул на небо грязный полиэтиленовый пакет. Воздух дрожал, искажая перспективу: деревья изгибались под невозможными углами, а дальний лес казался вырезанным из черного картона декорацией к дешевому спектаклю.

Три года. Двадцать лет контракта минус три — осталось семнадцать. Иногда мне казалось, что прошла вечность, а иногда — что авария была вчера, и сейчас муж просто принесет мне кофе в постель. Но мужа давно след простыл, дети звали мамой Наташу, а я превратилась в Серую Хламиду. В призрак, скользящий по руинам цивилизации.

Я выбралась из стога, отряхивая платье. Магия ТихоМира работала безупречно: стоило ткани коснуться кожи, как усталость испарялась. Синяки под глазами разглаживались, плечи распрямлялись. Я снова выглядела на двадцать пять, хотя календарь упрямо отсчитывал мои тридцать два. Платье само очистилось от репьев и пыли, превратившись из дорожного тряпья в строгий серый хлопок. Рядом на траве лежал плащ. Тяжелый, плотный, сотканный из чего-то среднего между войлоком и металлизированной нитью. Когда я накинула его на плечи, мир вокруг приглушил звуки. Плащ гасил эхо аномалий.

Мой путь лежал на восток. Разлом пульсировал там, за Уралом, но добираться до него предстояло через «Кислотные топи» — так выжившие называли бывший индустриальный пояс. Там энергия тумана смешалась с химическими отходами закрытых заводов, породив нечто совершенно новое. И людей, которые решили этим воспользоваться.

До первого анклава я добралась к полудню. Раньше здесь был поселок городского типа, теперь — форт «Железнодорожный». Пути были забиты ржавыми составами, вагоны которых служили стенами. Периметр опутывала «колючка», на вышках скучали пулеметчики в противогазах.

Ворота открылись со скрипом, пахло гарью, жареным мясом и нечистотами. Добро пожаловать в цивилизацию конца света.

— Стой! Куда? — ко мне шагнул охранник. Лицо скрыто тактическими очками, на плече АК-12.

Я молча посмотрела ему в глаза. Эффект серой хламиды работал безотказно. Люди видели периферийным зрением движение, фиксировали силуэт, но мозг отказывался обрабатывать информацию. Для него меня здесь не было. Охранник моргнул, тряхнул головой, списав всё на жару и мираж, и отвернулся.

— Эй, Михалыч! Ты крысу видел? Жирная, зараза!

Я усмехнулась про себя и пошла вглубь форта. За три года правила выживания стали для меня азбукой. Первое: никогда не торгуй лицом. Второе: еда появляется сама. Третье: люди боятся тишины больше, чем криков.

Анклав жил своей лихорадочной жизнью. У перевернутого товарного вагона кузнец бил молотком по какой-то светящейся арматурине. Из нее сыпались синие искры, металл шипел, соприкасаясь с воздухом. Кузнец работал голым по пояс, и вся его левая рука состояла из переплетения мышц и костяных шипов. Мутант. Выживший после близкого контакта с туманом первой волны. Теперь он мог держать раскаленный металл голыми руками. Бизнес процветал.

Рядом, прямо на рельсах, сидели бродячие артисты. Знаменитый «Цирк Барона Субботы». Это была самая мрачная достопримечательность нового мира. Люди, измененные разломами настолько причудливо, что их тела стали инструментом или оружием.

Вот женщина-змея: ее позвоночник вытянулся, лишив возможности ходить, зато позволив обвивать фонарные столбы. Она играла на флейте, зажатой трехпальцами ладонями, и звук этой флейты заставлял пыль складываться в узоры.

А вот «Радиоприемник» — парень, чья голова напоминала старый ламповый телевизор. Вместо рта у него была решетка динамика, и когда он хотел есть, то просто настраивался на частоту работающей рации и поглощал сигнал. Сейчас он транслировал белый шум, пугая местных собак.

Я шла мимо них, стараясь дышать ровно. Мне было их жаль, но жалость — непозволительная роскошь для Серой Хламиды. Моя задача — дойти до разлома. Всё остальное лишь фоновый шум.

У палатки торговца артефактами толпился народ. Торговец сидел на перевернутом сейфе, закинув ногу на ногу. Его товар лежал на брезенте: зубы убитых монстров, светящиеся камни из трещин, куски брони, которую не брала пуля калибра 7.62.

— Свежая эссенция страха! — надрывался барыга. — Всего один рожок патронов! Добавьте пару капель в воду врагу — увидит демонов своих детских кошмаров!

— Шел бы ты, Петруха, — лениво бросил покупатель с золотыми зубами. — Твоя эссенция только тараканов гонять годна. Вот, смотри настоящее дело.

Он положил на брезент предмет, при виде которого у меня перехватило дыхание. Это был кусок того самого витого рога, который я метнула в первый разлом. Рог изменился: он потемнел, покрылся сеткой золотых прожилок и едва заметно гудел, вибрируя в унисон с землей.

— Частотник, — пояснил Золотозубый. — Если приставить к двигателю старого Урала, жрет любую дрянь вместо бензина и тянет как зверь. Отдает остатки энергии трещины. Беру.

Я отошла в тень. Они торгуют моими ошибками. Той энергией, которую я вбухала в закрытие ран этого мира, чтобы спасти детей. Теперь это топливо для генераторов и яд для врагов. Горькая ирония судьбы.

Ночью пошел дождь. Не вода — маслянистая, фосфоресцирующая жидкость, которая разъедала обувь, но отлично подходила для умывания, если потом долго тереть лицо песком. Я сидела в остове сгоревшей церкви, подтянув колени к груди. Сон не шел.

С тех пор как песня AC/DC закрыла разлом в Карелии, моя магия изменилась. Колыбельные перестали быть просто лекарством. Теперь они были чертежами реальности. Если я хотела, чтобы рана затянулась, я пела о коже. Если хотела, чтобы машина ехала — о поршнях

и сгорании топлива. Мой голос стал ключом к физике пространства. Проблема была в том, что я почти забыла, как звучит мой собственный смех. Внутри поселился холодный, расчетливый механизм. Таисия Лебедева умерла в той реанимационной палате. Осталась функция.

ТихоМир появлялся редко. Примерно раз в полгода, всегда внезапно, выныривая из теней. Он приносил новости о других «Хламидах».

«Пятеро сошли с ума, — говорил он своим бархатным голосом, протягивая мне яблоко, которое тут же превращалось в пепел, потому что я научилась видеть истинную суть вещей. — Двенадцатый попытался убить заказчика. Пришлось забрать у него дар. Теперь он гниет заживо, обычная человеческая биология берет свое. Береги себя, сестренка».

Он называл меня сестренкой. А сам прятался за нашими спинами, пока мы латали дыры, возникшие из-за его побега.

Дождь снаружи усилился. Где-то завывала сирена — не гражданская оборона, а самодельная, собранная из труб тепловоза. Сигнал тревоги.

Я выглянула наружу. Со стороны периметра несло царпанье. Сотни когтей скребли по железу вагонов-стен.

— Прорыв! К стене сектора «Б»! — орал мегафон.

Обычное дело. Мелкие твари, привлеченные теплом тел, лезли каждую ночь. Но сегодня звук был другим. Скрежет металла перемежался с низким, утробным гулом, от которого вибрировали глазные яблоки.

Я вышла под кислотный дождь. Вода стекала по капюшону, оставляя радужные разводы на серой ткани. На вышке строчил пулемет. Трассеры чертили красные линии во тьме, освещая лавину существ. Это были не собаки и не насекомые. Это были «Икары» — бесформенные комки плоти с десятками кожистых крыльев. Они падали на стену, цепляясь когтями, и начинали грызть сталь.

Один из пулеметов захлебнулся. Чпокающий звук, крик стрелка, и темное пятно рухнуло внутрь форта. Прямо на площадь перед церковью. Существо перекатилось, расправляя крылья. Метра четыре в размахе. Пасть, полная игл, сочащихся зеленой слизью, раскрылась, издав тот самый низкий гул. Ближайшие ко мне люди начали падать на колени, зажимая уши. Кровь текла из их носов и ушей. Инфразвук ломал кости черепа изнутри.

Патроны у гарнизона кончились быстро. Я видела, как перезаряжающий солдат выронил магазин — его пальцы превратились в желе от вибрации. Еще минута, и эта тварь выпьет жизнь из всего форта.

Я сделала шаг вперед. Потом еще один. Гул давил на грудь, пытаясь впечатать меня в землю. Легкие горели. Сердце пропустило удар, второй... Переходить на уровень ускоренной регенерации времени не было. Оставался только один инструмент.

Я запела.

Но не колыбельную. И не рок-н-ролл. В голове зазвучал густой, глубокий бас Шаляпина. Ария Мельника из «Русалки». О безумии, воде и потерянной дочери.

«Ох, то-то все вы, девки молодые, лукавы все...»

Звук выходил из меня не горлом. Он лился сквозь подошвы сапог, уходил в отравленную почву, собирал вибрацию инфразвука Икаря, пропускал через себя и возвращал обратно. Я стала камертоном. Резонатором.

Гул существа столкнулся с моим басом. Воздух загустел. Крылья «Икаря» замерли в воздухе, трепеща, как лист на ветру. Слизь в его пасти начала пузыриться и замерзать. Я пела о тяжести воды, о невозможности всплыть, о гравитации.

Существо попыталось взлететь. Напряжение связок чуть не порвало мне горло. Я вложила в ноту всю свою тоску по детям, весь страх перед бесконечной дорогой, всю ярость на ТихоМира.

Воздух лопнул.

«Икар» сложился внутрь себя, как консервная банка, из которой откачали воздух. С влажным хрустом костей и чавканьем разрываемой плоти существо осело на брусчатку грудой вонючего фарша.

Наступила звенящая тишина. Только капли дождя продолжали стучать по крыше церкви.

Люди поднимались с земли, ошалело глядя на труп монстра и на меня. Женщина-змея из цирка медленно заплодировала своими трехпалыми ладонями. Звук был похож на стук сухих веток.

Из толпы вышел кузнец-мутант. Он подошел ко мне, снял противогаз. Его лицо было покрыто ожогами, которые уже начали затягиваться странной полупрозрачной пленкой.

— Спой еще, — прохрипел он. — Про огонь. Нам нужно закалить прутья ворот, иначе к утру они нас сожрут вместе с вагонами.

Я покачала головой. Достала из-под плаща флягу с остатками чая.

— Закончился лимит чудес на сегодня, — хрипло ответила я. Голос сел. — Ведите к вашему старосте. Мне нужен транспорт до Екатеринбурга. Завтра там откроется трещина.

Утром меня отправили с конвоем. Старый бронепоезд, слепленный из двух локомотивов и платформы с зениткой. Платформа называлась «Ласточка». Зенитка стреляла болванками, залитыми внутри святой водой вперемешку с ртутью — дикое, но эффективное сочетание против эфирных сущностей.

Мы ползли по разбитым путям двое суток. Мир за окном превратился в сюрреалистичную галерею Босха. Леса стояли мертвые, черные, но на ветвях вместо листьев росли кристаллы соли. Реки сменили русло и теперь текли вверх, исчезая в низком небе. Мы проезжали мимо городов-призраков, где окна домов светились фиолетовым — там время текло вспять, и можно было увидеть тени людей, бегущих задом наперед от катастрофы, которая еще не случилась.

На третий день пути «Ласточка» встала. Впереди путей не было. Вообще. Словно гигантский нож отрезал кусок железной дороги вместе с ландшафтом. Перед нами зияла пустота. Идеально ровный срез земли, уходящий в бездну, заполненную густым, неподвижным молоком. Настоящий океан тумана.

— Приехали, барышня, — сказал машинист, седоусый дед, кутивший самокрутку размером с дирижабль. — Дальше пешком. Тут километра три до твердой земли будет. По мосткам пойдем.

Мостки представляли собой связанные проволокой шпалы, брошенные поверх тумана. Они плавали на поверхности молочной субстанции, слегка покачиваясь.

Я надела рюкзак. Проверила посох. Тот самый, ореховый, с набалдашником из зуба древнего ящера, подаренный знахарем. Дерево приятно грело ладонь.

— Ждать не будете? — спросила я.

— Обратно будем через неделю, если туман схлынет, — пожал плечами дед. — А ждать... туда никто не торопится. Место плохое. Говорят, там Сам живет.

— Кто?

— Ну, этот... Джинн ваш. Или кто он там. Главный по тарелочкам. Местные поговаривают, он там дворец себе отгрохал из чистого золота и наших страхов. Питается теми, кто близко подходит.

Я улыбнулась краем губ. Информация была полезной. Значит, я на верном пути. Тихомир обнаглел настолько, что устроил резиденцию прямо у одного из главных истоков заражения.

Я ступила на первую шпалу. Туман принял мой вес мягко, как ортопедический матрас. Идти было легко, если не смотреть вниз. Внизу, в глубине молочной толщи, мелькали огни. Огромные, биолюминесцентные глаза размером с грузовик. Морские чудовища тумана провожали меня взглядами, но не атаковали. Они чувствовали Серую Хламиду. Чувствовали запах своего хозяина.

Третий год службы перевалил за экватор. Я шла убивать бога, спасшего моих детей. И единственное, что меня пугало по-настоящему — мысль о том, что, закрыв последний разлом, я наконец останусь одна. Навсегда.

Резиденция оказалась именно дворцом.

Когда туман расступился, открывая плато, я остановилась, забыв, как дышать. Это была готическая громада, построенная из материала, которого не существовало в таблице Менделеева. Башни переливались нефтяной пленкой, витражи в окнах изображали сцены человеческих страданий, а ворота были сплетены из застывших криков. Буквально: тысячи открытых ртов образовывали сложный барельеф.

Меня ждали.

Створки ворот, состоящие из вопящих лиц, беззвучно разошлись в стороны. Двор внутреннего двора был вымощен плитами, каждая из которых слабо пульсировала красным. Сердца. Живые человеческие сердца, заключенные в янтарь магии. Они били вразнобой, создавая жуткую, аритмичную симфонию.

— Ты пунктуальна, сестра, — раздался голос сверху.

Тихомир стоял на балконе второго этажа. Он больше не носил дешевые костюмы. На нем был тяжелый балахон, сотканный из самой сути сумерек. Его лысина блестела, отражая свет несуществующего солнца.

— Пропустишь? — спросила я, взвешивая в руке посох.

— Зачем грубить? — он театрально вздохнул. — Ты проделала такой путь. Устала, наверное. Зайди. Выпьем чаю. Вишневая наливка осталась восхитительной, помнишь? Графинчик на столе...

От упоминания моей старой кухни свело скулы. Манипулятор знал, куда бить.

Я поднялась по лестнице, липкой от какой-то черной смолы. Внутри дворца пахло ладаном и больницей. Коридоры изгибались под немыслимыми углами. Пол под ногами иногда становился мягким, и я чувствовала, как наступаю на чьи-то лица.

Кабинет ТихоМира выглядел как кабинет профессора Преображенского. Дубовые панели, массивный стол, глобус (обычный земной шар, выглядевший здесь неуместной игрушкой).

— Садись, Таисия, — он указал на кресло. — Я знаю, зачем ты пришла. Ты хочешь знать правду.

— Я хочу закрыть разлом, — поправила я, не садясь. — И прекратить эту комедию.

— Комедию? — он искренне рассмеялся. Смех звучал как треск льда на реке. — Девочка моя, это величайшая трагедия вселенной. И одновременно — самое прекрасное произведение искусства. Посмотри.

Он щелкнул пальцами. Одна из стен кабинета растворилась, открывая панорамное окно прямо в космос. Но космос был неправильным. Звезды там имели форму слезинок, а планеты вращались вокруг черных дыр, словно мотыльки.

— Видишь? — прошептал он. — Там, откуда я родом, нет смерти. Нет боли. Нет любви. Есть только абсолютный порядок. Стерильность. Вечность, похожая на затянувшийся визит к стоматологу. Я нашел вашу планету случайно. Ваш хаос, ваша музыка, ваши нелогичные поступки... Это вирус. Самый прекрасный вирус во вселенной. Я прорвал мембрану, чтобы вдохнуть этого воздуха. Чтобы почувствовать вкус вишневой наливки и услышать, как ребенок просит сказку.

— Поэтому ты убил миллионы? — мой голос дрогнул. Ненависть горячей волной поднялась от желудка к горлу.

— Я никого не убивал! — возмутился он. — Я открыл дверь. То, что полезло оттуда — это иммунный ответ Вселенной. Мироздание пытается вылечить насморк ампутацией головы. Эти твари, эти разломы — это лейкоциты. А вы, шестнадцать избранных — антибиотики. Вы перерабатываете чужеродную энергию, переводите ее на язык вашей физики через свои дурацкие песенки и запечатываете пробой. Разве плохо? Вы спасаете свой мир. Получаете десятилетия счастья. Я получаю возможность чувствовать. Все в выигрыше.

— Кроме тех, кого съели, — процедила я.

— Лес рубят — щепки летят, — парировал он. Подошел к столу, достал графин. Тот самый, из моего сна. Налил темно-красную жидкость в хрустальную рюмку. — Ты устала, Таисия. Тридцать два года — это молодость для людей, но для нашей работы — зрелость. Твоя сила растет. Скоро тебе не понадобятся песни. Ты сможешь сворачивать пространство одной мыслью. Останься. Стань хозяйкой этого места. Пятнадцатый сошел с ума, двенадцатый мертв. Ты лучшая. Последняя надежда.

Он протянул мне рюмку.

Я смотрела на вишневую наливку. На идеальную чистоту стола. На его красивое, спокойное лицо.

Если я соглашусь, мои дети будут жить вечно. Под защитой самого сильного существа в этом секторе галактики. Им ничего не будет угрожать.

Если я откажусь, мне придется вонзить этот посох ему в глаз и надеяться, что взрыв не уничтожит Землю.

— Знаешь, почему твои колыбельные лечат? — вдруг спросил он, делая глоток. — Потому что в основе любой материи лежит вибрация. Звук. Ом. Ты интуитивно поняла главное правило творения. Ты не ведьма, Таисия. Ты — расстроенный музыкальный инструмент, который учится играть саму себя.

Я сделала шаг вперед. Положила посох на край его идеально чистого стола. Древесина тихо скрипнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.